

Павел
Козлофф

Сто
тысяч
рашпилей
по нервам

Павел Козлофф

**Сто тысяч рашпилей по
нервам. Рассказы и стихи**

«Алетейя»

Козлофф П.

Сто тысяч рашпилей по нервам. Рассказы и стихи /
П. Козлофф — «Алетейя»,

ISBN 978-5-907189-58-4

В сборнике новых произведений Павла Козлова, признанного мастера «музыкальной прозы», две его новеллы – «Амур и Смерть» и «Три месяца из жизни Салтыкова» – блестяще иллюстрируют особенность работы писателя над литературным языком. Обе композиции музыкальны и, при изысканно-ироничном преподнесении автором текста, оставляют место размышлениям для вдумчивого читателя. Рассказы также представляют несомненный интерес. Фрагменты романа («Бубновый валет и Пиковая дама») выступают анонсом готовящегося к печати произведения Павла Козлова. И нельзя не отметить новые стихотворения автора. Предыдущий его стихотворный сборник стал лауреатом «Независимой газеты» по итогам 2018 года.

ISBN 978-5-907189-58-4

© Козлофф П.
© Алетейя

Содержание

Вместо предисловия	5
«За коньяком и папиросой...»	7
«Я поздно вечером встаю...»	8
«Во мне сокрыты залежи...»	9
«Одичало стоит Грибоедов...»	10
«Из театра представления...»	11
Амур и Смерть	12
«В идеале поэт должен выглядеть так...»	18
«Любовь под кленами, под вязами...»	19
«Я по добру и по здорову...»	20
«Пускай идет молва – доверься глазу...»	21
Три месяца из жизни Салтыкова	22
1	22
2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Козлофф П. Сто тысяч рашпилей по нервам Рассказы и стихи

Вместо предисловия

Павел Козлофф – удивительный писатель. Просто удивительный, и все – в самом базовом и, пожалуй, в одном из самых симпатичных значений этого эпитета. Именно Козлоффа надо читать, если вы хотите понять, что такое литературная самобытность. Не самобытность-тренд, не самобытность-жест, а самобытность – естественное природное явление. Как оперение у птицы или форма листьев у растения. Козлофф не пытается реформировать жанр детектива и не занимается организацией алхимического брака массовой литературы с концептуальным текстовым высказыванием. Он просто пишет вот так – создавая причудливые гибридные произведения на полупрозрачной грани между прозой и поэзией; повести и рассказы, в которых происходят убийства, раскрываются мрачные семейные тайны, любовные линии завязываются в неожиданные узлы, и почти наверняка кто-то увидит послание из будущего, а чтобы было еще веселее, кто-то обязательно попытается разрешить амурно-криминальную коллизию при помощи новейших достижений науки, с невероятными последствиями – и вся эта интрига, подобно мухе или же листочку, как в теплом янтаре, заключена в тягучем ямбе с вольною стопой, струящемся неспешно по страницам, и прозаическую ткань меняя незаметно на нечто близкое по очертаньям к тайне, и все, что в поэзии было бы чрезмерно серьезно, ну а в прозе и вовсе глупо, здесь приобретает особое межмиренное звучанье... Приблизительно так это выглядит. Читать Козлоффа надо с осторожностью – его стиль заразителен, не успеешь опомниться, как сам заговоришь стихопрозой. Или поэзопрозой. В общем, диковинной и самовольной речью.

Рассказы – дверка в балетную вселенную. Закулисье есть закулисье – прогулка будет таинственной. Простая классическая архитектура доброй мемуарной прозы здесь в любой момент может огорошить неожиданной винтовой лестницей или потайным ходом – заметным, правда, лишь для тех, кто умеет как следует всматриваться в текст.

А вот «Три дня из жизни Салтыкова» – не столько для тех, кто умеет всматриваться, сколько для тех, кто умеет ухватиться за текст и отчаянно держаться, как Иванушка на волшебной кобылице. Суть фокуса, который проделывает с фабулой Козлофф, трудно описать – это какое-то особенное сжатие-сгущение-ускорение жизни, помещающее текст в почти научно-фантастическую точку пространства, откуда можно с одинаковой легкостью дотронуться и до усиленно предсказываемого нам небуквенного будущего, и до сурового лаконизма средневековых хроник.

Павел Козлофф пишет не только затейливые детективы и «балетные» рассказы, но и традиционные стихи – с четким ритмом, вполне классическими рифмами и вроде бы кристально-ясными жанрово-смысловыми границами. Но от традиции тут, конечно, только форма. Силлаботоника для Козлоффа – не уютный причал, а скорее цилиндр фокусника, простой и элегантный предмет, из которого чертовски удобно вытягивать всякие чудеса. Со стихией текста у Козлоффа «высокие, высокие отношения» – он отлично разбирается в ее внутренних законах и умеет изящно их нарушать. Стихи, вошедшие в сборник, – замечательный пример игры с философией наивного искусства. Небольшие, легкие, с юмором подчас на грани циркового номера и образцово-простыми, «полароидно-моментальными» сюжетами.

Ближайшим литературным родственником Павла Козлоффа, наверное, следует считать Козьму Пруткова. Генеалогическая связь с фантастическим стихотворцем – роскошь, которую может позволить себе далеко не каждый поэт, но в случае Козлоффа тут все правильно. В его вселенной так же непредсказуемо смешиваются полутона игры и серьезности, так же плодотворит любая намеренная шероховатость, такой же любовью к слову – к его живой и упругой плоти, а не к ледяной семантике – наполнена любая тестовая «пасхалка» (коих у Козлоффа великое множество в диапазоне от Пушкина до Кушнера). Это поэзия человека, хорошо знающего, что такое печаль и боль, отлично осведомленного о количестве грустных ню, скрываемых под одеждой каждым из нас, о масштабах мира, где иногда бывает неправильно все: от невкусного помидора до основных законов времени и пространства и жить в котором – все равно, что быть непрерывно уроненным с трамвая. И еще это поэзия человека, умеющего с этим зловредным эсхатологическим трамваем бороться – и побеждать, подчас самым удивительным способом.

Оксана Бек

«За коньяком и папиросой...»

К картине Густава Климта на обложке книги

За коньяком и папиросой
Рапидом следует угар,
Неся с собою чувство скверны.
Сто тысяч рашпилей по нервам.
Будто Юдифь у Олоферна
Главу снесла не за удар,
А шею бедного ножовкой
Кромсала долго без сноровки,
И парня мучила вопросом,
А рад ли Навоходоносор,
Узнав, что вместо битвы блуд,
Избрал его военачальник.
Что жизнь грустна, а смерть печальна,
Не только иволги поют.

«Я поздно вечером встаю...»

Я поздно вечером встаю,
И начинаю жизнь свою,
Чтоб упиваться до утра
Как Пушкин росчерком пера.

Пленяет лоно монитора,
Летит компьютерная мышь.
И есть предчувствие, что скоро
Открою дверь – там ты стоишь.

«Во мне сокрыты залежи...»

Во мне сокрыты залежи
Несметные I Q,
Поэтому товарищи
Я днем и ночью пью

А если разработаю
Несметное свое,
Какой печальной нотою
Предстанет бытие

«Одичало стоит Грибоедов...»

Одичало стоит Грибоедов
На бульваре у Чистых прудов,
Где тинэйджеры вместо обеда
Делят чипсы и водку «Smirnoff».

Не расскажет мой преданный сервер,
Будто клятва сковала уста,
Как мы пили портвейны на сквере,
Под угрозой мента из куста.

Если спросит парнишка безусый:
«Неужели и вы, господин?»
Я отвечу тому карапузу:
«Да, конечно. Не ты же один».

«Из театра представления...»

Из театра представления
В театр переживаний.
Устав от ночи бдения
Заснул я на диване.

Москва назад столетие
Открыла мне кулисы.
Таирова там встретил я
И Коонен Алису.

Свое пристрастие вкусами
Не упустив из виду
Я в переулке Брюсовом
Райх встретил Зинаиду.

Твой сон не в руку, скажете
С лицом в надменной mine.
Зато не надо в гаджете
Мне их искать отныне.

Амур и Смерть

– *Raul!* – закричала графиня из-за ширмов, – пришли мне, какой-нибудь новый роман, только, пожалуйста, не из нынешних.

– Как это, *grand'taman?*

– То есть такой роман, где бы герой не давил ни отца, ни матери и где бы не было утопленных тел. Я ужасно боюсь утопленников!

– Таких романов нынче нет.

А.С. Пушкин

Закончились балетный класс, урок вокала, репетиции, разъехались до вечера артисты, помощник режиссера закрывал балетный офис, когда пришло в театр грустное известие, что Костя Пастухов, два года, как отправленный на пенсию, скончался. Не просто умер, а трагически погиб. Как рассказали – это был несчастный случай, но без достаточных конкретных обстоятельств, так как свидетелей найти не удалось. Хотя произошло все светлым днем в жилом районе очень близко от метро. А похороны будут послезавтра. В отделе кадров отыскали фотографию, снабдили её траурной рамкой, и на доске для объявлений появился некролог.

В тот день давали «Пиковую даму». Балет отъехал на гастроли, отрядив для танцев в операх лишь горсточку артистов, которых выбрала Ирина Одаховская, балетная звезда, недавно завершившая карьеру. Ей предложили репетировать, с кем только ни захочет, чтоб только удержать её в театре. Не из-за опыта, большого мастерства. Все знали: у неё есть третий глаз для истинного взгляда на искусство, на этот возвышающий обман. И удалась ей режиссерская работа, когда один артист кордебалета, с кем Ире захотелось танцевать, в её руках едва ли стал не гениален. Но это было только раз и по любви.

Теперь Ирине, распрощавшейся со сценой, хотелось самолично делать звезд. Ей вправду удавалось видеть многое, сокрытое от заурядных глаз. К примеру – в неуклюжей Урминой, в природе удлинённых её линий, Ирине виделась возможная Жизель; а эта пара – Чайкина с Десницким; ведь было очевидно – если с ними поработать, то здорово станцуют «Дон Кихот». Бесспорно, что и Чуркин перспективен, с его заоблачной техникой, огромным темпераментом, горящими бездонными глазами. Сегодня вечером у Чуркина дебют: они с Земфирой Урминой выходят на балу второго акта в забавном па-де-де «Амур и Смерть». Ирина с ними поработала, и знала – получилось хорошо. Но подошел в конце прогона к ней Плецкявичус, прославленный клипмейкер, приглашенный режиссер, решивший «Пиковую» в собственной трактовке.

– Согласен, что Амур акселерат, не пупсик устаревший с самострелом, а квинтэссенция эротики, разящая кругом всех наповал. Но почему, скажите, смерть так беззаботна? В ней должен быть безжалостный и ждущий всех конец.

У Одаховской была четкая позиция, которую не стоило труда обосновать.

– Я, Роминус, танцую от другого. Вам разве не сказал никто, что смерти нет вообще? Что люди верят в смерть лишь потому, что их так учат и приравнивают жизнь к функционирующей разным всяким органам. Мне мой кузен давно уже открыл, что смерть не завершение нашей жизни, а точка перехода в мир иной. Возьмите физику с бесчисленным количеством Вселенных, где в каждой мириады ситуаций и людей. Ведь все, что с нами в будущем случится, уже случилось, или где-то происходит, и то, что называют словом смерть, не может в принципе никак существовать. Жизнь человека – многолетнее растение, и возвращается всегда, чтоб снова завестись в мультивселенной.

– Но это же вразрез с моей концепцией?

– Да, бросьте вы, какой уж тут разрез! У вас конкретно:

Лиза в лодке на Фонтанке, замучилась, а «Германа все нет»; и из под купола спускаются на сцену на канатах – и старая графиня, и повеса Сен-Жермен, и бедный Герман, и спускают вслед бесстрастного крупье, (я верно понимаю?) как судьбу. И это здорово, так кеглей по графине, когда звучит, что ваша карта бита.

– Тогда зачем на смерти кости, как скелет? А пупсику скажите, пусть хотя бы грудь побреет. Не очень, прямо скажем, эстетично.

Тут Одаховская припомнила Ахматову, считавшую, что «Пиковая дама» – загадочная очень повесть Пушкина.

И, сколько бы ни бились с этой заданной загадкой, то, все-таки, вовек не разрешат.

«Какие хлопья, мошкара к оконной раме», – так думала Ирина этим утром, любуясь на февральский снегопад, и радуясь, что снег не таял сразу, а покрывал унылый серый двор и делал его чистым и нарядным. Лапландия и Вечность, мальчик Кай. Она вдруг вспомнила троюродного брата, ученого по квантовой механике, который рассказал ей о теории, что время нереально, и движется лишь в нашем представлении. Как можно было с ним не согласиться? Ведь в случае, что время лишь условность, то возраст и подавно ерунда. В семнадцать ей казались стариками и старухами, чьи годы близки к цифре пятьдесят. Теперь же, в свои сорок девять лет, пусть не могла она ни прыгать, как когда-то, ни бешено вертеться в фуэте, но кто сказал бы, что она не молода? Не важно, что пришлось уйти со сцены. Играть комедии и драмы в частной жизни интересней.

А утро, между прочим, продолжалось. Задумчиво, не расставаясь с кофе, прошла она в уютную столовую к любимой маме на портрете над камином. К той юной девушке, что стала её мамой, когда портрет уже валялся на шкафу. На полотне модель читала, художник в это время рисовал. И оба были молоды, красивы, влюблены. Художник эмигрировал в Париж, у мамы родилась её Ирина. Художник сделал на портрете подпись: Wanted!¹ А мама приписала: Never more»².

Мать у Ирины занималась филологией и девочка выросла в мире книг. Все стихотворные размеры Ира знала, хранила в памяти стихи, отрывки прозы, и часто, с изощренной иронией, скрывала свои мысли за цитатой.

Ещё в младенчестве открылся в ней талант. От сказок, что рассказывала бабушка, в ней что-то моментально изменялось. Она казалась отрешенной, взгляд мутнел, ребенка становилось не узнать. Ее спросили, что же с нею происходит.

– Мне бабушка поведала, какая Айюга, вот я и представляю вам, какая.

Ириша тщательно вытягивала шею, тарщила глаза, и всё искала, где ей лучше отразиться. С такую гордостью был задран подбородок, что, знавшие в чем дело, умилялись. Не удивительно, что выросла актрисой.

В балет она попала за компанию, когда Максима, её друга по песочнице, надумали отдать в хореографию, а он брыкался и твердил, что без Ирины никуда он не пойдет. Ирину взяли, хоть и было двести девочек на место. Так и учились в одном классе Ирина Одаховская и детский её друг Максим Валуев. Ей прочили карьеру, он же был красив, породист, к тому же – замечательный партнер. Как позабыть об их «Элегии» Массне на выпускном!

Последним летом перед театром они ездили в любимый Коктебель. Там, на скале Хамелеон, в час сумерек почти совсем лиловой, Ирина, может, несколько сурово, сказала, что

¹ Разыскивается .

² Больше никогда.

интимных отношений у них в будущем не будет никогда. Макс видел, как Ирина изменилось, буравила глазами Кара-Даг, как будто там она читала эти горькие жестокие слова:

– Прошлись с тобой, Максимка, мы по всем урокам жизни. И мне не нужен пусть предельной даже сказочности принц, настолько я люблю свою свободу. Конечно, невозможно без романов, быть может, даже связей по расчету. Но ты мне будешь не чужой, а мой двоюродный троюродный кузен.

Максиму было больно, но Ирина оказалась непреклонна. Вниманием своим она его не обделила, напротив, даже вздумала развить в нем интеллект, открыв ему излюбленный свой мир литературы. И он смирился, зачитался, начитался до того, что даже начал пробовать писать. Ирина помнила одно стихотворение, Валув педагогу написал на юбилей.

Дни рожденья – житейские вехи,
Дни рожденья – смотрины трудов.
Сколько в нашем танцующем цехе
У Петрунина учеников.

Каждый хочет поздравить, и вправе,
Благодарный обилён язык.
На основе классических правил,
Каждый в танце чего-то достиг.

Под учительским бдительным взглядом,
Мы всегда неустанно растем.
С каждым туром и каждым глиссадом,
Совершенствуясь в танце своем.

Пусть звенят поздравления звуки,
Будет труппа сегодня пьяна.
Да, в надежные, верные руки
Свои ноги вручила она!

Она тогда подбодрила поэта: «Твоим стихам настанет свой черед».

Ирина стала балериной уникальной, Максим же подвизался, как солист второго плана. Когда ей нужен был фактуристый партнер, без танцев, большей частью для поддержек, как хан Гирей в «Бахчисарайском», то Одаховская просила, чтобы это был Валув.

Когда Максим женился – она искренне, с любовью поздравляла, и очень была рада за него. Оттанцевав же двадцать лет, Максим отправился на пенсию, чтоб выехать в Америку к родителям жены, и там он, наконец-то, выбрал время для писания романа.

Она же танцевала еще долгих десять лет, и выступила в нескольких премьерах, на радость публике, которая считала, что у любимой балерины это новый бурный взлет, а не растянутый закат, обставленный с роскошной царской помпой. Когда же она все-таки ушла, все сожалели, что рассталась Одаховская со сценой, как будто, находясь в расцвете сил. Она не сомневалась – много лучше будет так, чем ползать жалким зрелищем по сцене.

Вот так и отработали Ирина и Валув в одном театре. Максим был для Ирины будто добрый и не очень дальний родственник. Лишь раз в нем пробудилась вдруг чудовищная ревность, когда он убедился, что Ирина в самом деле влюблена.

* * *

Каминный «Мозер»³ сдвинул стрелки ко второму пополудни. Звонил мобильник, но сегодня с Арцыбашевой, подругой, метко прозванной «последние известия», Ирина не хотела говорить: ей ни к чему все эти новости и сплетни, подумать есть о чем и без того. Внезапно вспомнился вчерашний мальчик Чуркин – забавно, что он так в неё влюблен. Потом мысль перекинулась к Валуюву, писавшему, что скоро он придет. А в два пятнадцать ей Валуюв позвонил.

- Ты можешь не поверить, я в Москве.
- Давно ли? – Ира вяло удивилась.
- Сегодня рано утром прилетел. Что нового хорошего в театре?
- Я дома, и откуда же мне знать. А вечером придется быть на «Пиковой».
- Готовься, что тебя там ждет сюрприз.

* * *

В семь Одаховская была уже в театре. Те из артистов, кто был занят в первом акте, давно все находились за кулисами; другие, в костюмерных и гримерных, готовились к большой картине бала. В балетном зале в полном гриме занималась Урмина.

– Не перегрейся, – подсказала ей Ирина. – На сцену после первого звонка.

И не спеша она пошла в балетный офис. По ходу, у доски для объявлений, застыла Вяльцева, солистка в «Интермедии пастушки». Она заметила Ирину, когда та только близко подошла. И, встретившись глазами, прошептала:

Дядя Костя!

Ирина глянула и сразу обомлела. Ведь ту же карточку она хранила дома, ей Костя сам ее когда-то подарил. Но этот некролог, и эта рамка? Нелепица. Мой миленький дружок.

Мелькнули в памяти Ирины те гастроли, когда она, уже звезда и знаменитость, отказывалась верить, что Господь ей даровал такую светлую любовь. Возник мгновенно рядом Костик тех времен, доверчивый, её влюбленный мальчик. Вернулись, будто, годы их любви. И Рихард Штраус⁴, его страстный «Дон Жуан». Ирина сделала условие – станцует донну Анну, но выберет, с кем будет танцевать. Когда узнали, что партнером будет Костя, все думали – она сошла с ума. А уж потом заговорили – «третий глаз».

«Я Дон Гуан, и я тебя люблю»⁵. Любезный пастушок. Зачем ты умер?

Навязчиво стал петь её мобильник. Валуюв сразу же спросил:

- Теперь ты знаешь?
- О Костике? И ты звонил, ты знал?
- Я, собственно, для этого приехал. Несчастный этот случай – это я.

Воистину – тяжелый темный бред.

Максим был в «Дон Жуане» Командором. И уверяет, что явился, как возмездье.

Ирина чувствовала – что-то тут не так. Она прервала разговор и посмотрела на мобильник. Да, номер у Валуюва его, но только это их, американский. В Москве с него звонить никак нельзя, поскольку у нас разные частоты. Хотя, возможно, техника дошла.

Ирина тут же позвонила Арцыбашевой.

³ Марка часов.

⁴ Композитор

⁵ А. С. Пушкин «Каменный гость».

– Все грустно, – поделилась с ней подруга. – На вскрытии – обширнейший инфаркт. Всею виною белая горячка.

– Delirium?⁶ Но Костя ведь не пил.

– С тобой. Но сколько лет, как вы расстались? У Константина, как обычно, был запой. Три дня закончился, но Костя был, буквально, не в себе. Сегодня же он просто обезумел. Из дома вырвался, где бегал – неизвестно. Прохожие нашли его в снегу.

– А ты Валуюву звонила?

– Как и всем. Ответила жена, дала Максима.

– Так ты ему в Нью-Йорк, на городской?

– Он только у меня один записан.

У Одаховской, наконец-то, все сложилось. Она, буквально, что была поражена: Максим в Америке, и это так он шутит. Хороший черный юмор был Ирине по душе. Однако в шутке у Максима был, скорей, идиотизм, к тому же отвратительный и злобный. Додумался, когда и с чем шутить. Недаром никогда не обольщалась.

Зря шутите со мной, Максим Петрович. Пожалуй, что я тоже пошучу.

Она проверила – мобильник отключен. И поняла по обстановке, что уже идет антракт. Пришла на сцену – Урмина и Чуркин разминались. Сказала им: ни пуха, ни пера. Они оттанцевали – ей понравилось. Конечно, есть ещё, над чем работать. Хор выступил: «Пришел конец мученьям». Балетные теперь вступили в код. Какой у Чуркина бризе дэсю-дэсу⁷.

Акт кончился, она была свободна. Но уходить пока Ирина не спешила. Она вернулась к Константину – попрощаться. Он с фотографии смотрел глаза в глаза. Ирина вспомнила, что спел недавно хор.

Мобильник же запел, когда включила. И Одаховская сказала:

– Да, Максим. Плохие новости, но это я чуть позже. Я о твоих романах, милый друг. Твой главный недостаток – хлипкий стержень, сюжеты не годятся никуда.

Теперь о Косте. Макс Валуюв в свое время написал:

Наверно, вьюга виновата,
Она напала, как монгол.
Нас снег окутывал, как вата,
Нас ветер, как зерно, молот.
Он на щеке слезину выжег.
Но знаешь, умереть в пургу,
Куда почетнее, чем выжить,
В своей берлоге на боку.

Сегодня, ты же знаешь, навалило столько снега. И Костю положили в эту снежную постель. Я буду так о нем и вспоминать.

Теперь о главном – ты нигде не наследил. По следствию, пока, несчастный случай. Но мне мой родственник, он некро-офтальмолог, рассказал, что есть сейчас такие экспертизы: по глазу у покойного легко определить, что видел он, конкретно, перед смертью. Как у разбитого мобильного – по симке. Когда же Косте экспертизу эту сделают, боюсь, тобой займется Интерпол. Ты больше никогда мне не звони, иначе выйдут на тебя через меня.

Тут трубка закричала: «Он же спился». Но Одаховская уже теперь спешила. Надела она шубу, появилась на крыльце, мобильник свой забросила в сугроб.

⁶ Белая горячка.

⁷ Балетное па.

У выхода стояли две машины. Поближе – её “Volvo” и водитель. Подальше был суровый “BMW”, а рядом с ним Амур – Игнатий Чуркин. Ирина подошла к машине Чуркина, и бросила: «Поехали кататься».

«В идеале поэт должен выглядеть так...»

В идеале поэт должен выглядеть так:
Креативный берет, от Кордена пиджак,
Представительный облик, авто «Кадиллак»,
В свете дня без монокля, в бокале коньяк,
На стене репродукцией Мунковский «Крик»,
И прямой через блюдце контакт с Лилей Брик.

«Любовь под кленами, под вязами...»

Любовь под кленами, под вязами,
Во чистом поле по весне.
Она всегда такая разная,
Как и внутри, так и вовне.

И вот стою я, огорошенный,
И змею в воздух отпускаю,
Страницы избранного прошлого,
И все чего-то не хватает.

«Я по добру и по здорову...»

Я по добру и по здорову
Жизнь перепыхивал свою.
И через пень – колоду снова
Я эту песню допою.

И пусть закатанными в глянец
Не сохранят мои стихи.
Но Солнца щит, протуберанец,
Всем видеть тоже не с руки.

«Пускай идет молва – доверься глазу...»

Пускай идет молва – доверься глазу,
Обычай нехорош – рубить с плеча.
У ревности всегда есть метастазы,
От зависти не сыщется врача.

Равно, как убеждаешься не сразу,
Что букве слова велено звучать,
Не скрепой для мобильного указа,
А нотой для скрипичного ключа.

Три месяца из жизни Салтыкова

*Жизнь, шепчет он, остановясь,
Средь зеленеющих могил.
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок.*

Андрей Белый

1

Никитины отцы

В кино царил застой, и офис студии жил серо и уныло. Но атмосфера оживилась, когда явился господин с пригодным к делу предложением, поддержанным реальными деньгами. Снять фильм с им облюбленным сюжетом, задействовать в нем лучших из актеров – суть замысла, с которым он пришел. Платить готов был щедро, озабочен был лишь качеством картины, про кассовые сборы речь не шла.

Неудивительно, что отклик был горяч. Перебирали сценаристов, обзванивали видных режиссеров. Когда узнали, что снимать готов Кутасов, то успокоились – он все решает сам. Ведь у него была команда: свой продюсер, оператор, сценарист. И все артисты для него были свои: к нему известные охотно шли сниматься, а молодые находились под рукой – два года, как Кутасов создал курсы, где с избранными он работал сам.

Заказчик и команда вскоре встретились и подпись договора состоялась. Едва получен был аванс, как началось. Срок сдачи не был установлен, финансовый лимит не удручал, переснимали дубль за дублем много раз. Но вдруг однажды прозвучало: «Всем спасибо» и съемочный процесс был завершен. Смонтировали, сделали озвучку, просмотрели, Кутасов убедился – фильм готов.

Никита Салтыков, спонсировавший съемки, решил премьеру показать в Геленджике. Гостей высоких обустроили на вилле, вальяжно прилепившейся к горе. А съемочную группу заселили в пятизвездочный отель и все возрадовались щедрому подарку: неделя сказочного отдыха, одна пресс-конференция, банкет в роскошном зале рядом с морем, гипотетическая премия, и все это за спонсорские деньги.

Стоял октябрь, могла испортиться погода. Но бархатный сезон не подкачал.

Ещё недавно этот щедрый Салтыков был лишь раскрученный дизайнер интерьеров. Он был не беден, если брать в своей среде. Востребован, и сделал себе имя, но был капризным и разборчивым, не брался за работу, пока не прожит предыдущий гонорар. В нем было этакое барство: здоровый, молодой, он лишь порой активизировался, рвался что-то делать, загорался, а большей частью был ленив, слегка рассеян и мечтал. Такой характер он считал наследьем предков. Супербогатство на него свалилось вдруг, не столь обрадовало, сколько удивило, точней – обескуражило и вскрыло обстоятельства, сломавшие в Никите устоявшийся в нем мир.

Сначала мама Вера объяснила, кто был на самом деле кто на фотографии. Той самой, что была с Никитой с детства. Где Вера до рождения Никиты и с нею рядом двое радостных, сияющих парней. Им было там по девятнадцать, на фотографии в заоблачных горах. Они были спортсмены, альпинисты: совсем девчонка мама Вера, уверенный и рослый Салтыков, и лучший друг Семен Шапиро с насмешливой как будто бы улыбкой. И сам Никита где-то в недрах

мамы Веры. Володя Салтыков тогда погиб. Никита вырос без отца, и с детских лет его влекла генеалогия.

Погиб Владимир Салтыков весьма нелепо. Он был в их группе самым крепким, тренированным, везучим. Он шел последним, сразу в спину мамы Веры. Никто не видел, что тогда произошло. Она сумела рассказать – ей стало плохо, Володя бросился на помощь, поддержал. И непонятно, как он рухнул с высоты.

– А мама твоя стала, словно зомби, – рассказывала внуку баба Даша, растившая Никиту с малых лет. – Бывало, как ни спросишь, все молчит.

Бабушка Дарья Николавна была матерью погибшего Володи. Её супруг, ученый – астрофизик, двадцатью годами старше, работать Дарье никогда не позволял. Занятье женщины, считал, наладить дом, хранить очаг и обеспечивать уют. Закончила педвуз – наука в помощь в воспитании ребенка.

Дом Дарья обустроила отменно – родные стены, жизненный комфорт. И муж, и сын ужены с любовью.

Ученого сразил инфаркт, вдова жила одним Володей. И вырос молодец на славу, да погиб.

Он был из тройки неразлучных, друзья их называли ВэВэС. «В» первое, как сказано, пропало, остались только Вера и Семен. Что девочка родит ребенка сына – откуда было Дарье это знать? Семен ей рассказал – нельзя представить, как с ума сошла тогда. Метнулась к Вере, та в роддоме, и молчит. Взглянула Дарья на младенца, сразу ёкнуло как будто – кровь родная. Такой малыш – ему нужна её забота. Родители у Веры за границей. Что дергать, пусть работают свой срок. А Вера с мальчиком пусть будут у неё. Никиту в загсе записали Салтыковым.

В таких условиях Никита вышел в свет. Родить ребенка Вера родила, но заниматься с ним особо не горела. И тут включилась Дарья Николавна. Её сподвиг не только опыт и педвузовский диплом.

Недремлющее око бабы Даши било в цель – Никита рос благополучно. А мама Вера появлялась, исчезала и где-то обособленно жила. С ней появлялись то друзья, а то мужья. Что требовалось сыну сверх программы, все это исходило от неё. И педагог по рисованию (Никита с малолетства увлекался), и тренер – пусть мальчишка любит спорт, и англичанин – *let him know English better*⁸, дантист – чтоб голливудская улыбка, и даже гуру – настоящий мудрый йог.

Что значит, что ты родом Салтыков, Никита узнавал от бабы Даши.

– Ты сам, Никита, родом из дворян. Вельможи, люди близкие царю – вот это, вероятно, твои предки.

– Так, бабушка, они же и твои.

– Нет, что ты, я простая Иванова. А Салтыковым по рождению был твой дед. Гордись и постарайся быть достойным.

Салтык по-тюркски – любящий порядок. Есть варианты – нравственный, хромой. Одно без вариантов – русский барин.

Чем привлекла генеалогия Никиту? Что можно её мерить на себя. Какой конкретно они ветви он не знал, и это ширило доступный мир фантазий. Род Салтыковых сплошь из правильных людей.

Однако и меж ними крылся монстр – кровавая красотка Салтычиха. Блистала в свете, обладала состоянием и набожна была, но за фасадом крылась жуткая изнанка. Лет в двадцать с чем-то овдовела, стала вольною хозяйкой и принялась тогда увечить крепостных. Не меньше сотни их сама поубивала. Прибить поленом, иль ошпарить кипятком – для Салтыковой были детские забавы. Бесчинства делались с годами все страшней. Конец положен был вмешательством царицы. Вдову поставили к позорному столбу с дощечкой «Душегубица» на шее. Потом

⁸ Пусть выучит английский лучше.

до смерти просидела в одиночке. Хрестоматийно одиозный персонаж. И звали её Дарьей Николавной.

Никита бабушке однажды и сказал:

– Я удивляюсь – у тебя такое имя. И дед – Глеб Алексеич. Как тогда.

– Все в точности, зеркальность аналогий. Твой дед, безотносительно к любви, был счастлив, что я Даша Иванова.

– Выходит, это был эксперимент?

– Частично. Все с позиции науки. Злодейку звали Дарьей, Глебом звался её муж. Так наш Глеб Алексеич был уверен, что сходство именами ерунда. Как лодку назовешь, так поплывет – какая, говорил он, ахинея. Вот я, к примеру, Дарья Салтыкова, и что, должна кого-то убивать? Каренина Толстого говорит: «Как странно, что вы оба Алексеи!». Что в имени тебе моем, скажи?

Чуть поразмыслив, баба Даша досказала:

– Разборка с Салтыковой – показательный процесс. Острастка, чтобы не было повадно. Такие были, милый, времена. Екатерина шла по трупам на престол. Чтоб утвердиться, ей потребовалась жертва. Тут подвернулась Салтычиха, больше прочих уязвимая из знати. Судили эту барыню, злодейкою в историю вошла. Екатерина же потом – дворянам милости, общение с Вольтером, просвещенная царица. А Запад? Как он нынче измельчал! С кем философствовать? С Ван Даммом? С Департье?

И завершила разговор, пожав плечами. Расплывчато все так в далеком прошлом. Да и новейшая история туман.

Глеб Алексеич, дедушка Никиты, ученый, член – корреспондент, по разнарядке был объектом привилегий. Академический паек прервала смерть. Квартира же в высотке да и загородный дом, отстроенный на выданном гектаре, по предписанию остались за вдовой. И стали гнездами Никитино детства. Он называл их «Красный Лермонтов» и «Черная дыра».

Московский дом – по совокупности: от станции метро, что находилась сбоку здания, и от великого поэта, рожденного как раз на этом месте. Представьте – «Красные ворота», рядом сквер, и грустный Лермонтов с цитатой на изгибе постамента: «Москва! Люблю тебя, как сын. Как русский – пламенно и нежно».

– Вот так и Лермонтов, он с бабушкой рос, – сказала как-то Дарья Николавна.

– В высотке? – поддержал беседу внук.

– Да что ты. Здесь когда-то был их дом. А жить им нравилось в имении Тарханы.

– Тарханы? Абсолютно непонятно. Другое дело – Черная дыра.

С таким названьем был их загородный дом. Как говорят – с подачи Глеба Алексеича. Когда затеивалась стройка, он был немолод, но ходил холостяком, ананасом, жившим физику звезд. Строительством он сам не занимался, приехал, как узнал, что дом готов.

Что впечатлило первым делом – убедительный забор, что капитально опоясывал участок. Ученый оценил:

– Непроницаемый, как горизонт событий.

Весь в мыслях о работе, астрофизик и все в доме разбирал ему привычным языком. Твердил про силу гравитации, про сильно искривленное пространство. А у камина, что в гостиной, подытожил:

– Ну, прямо-таки черная дыра!

Когда спросили, что это такое? Он только усмехнулся:

– Кабы знать!

Ведь это было его темой, его камнем преткновения – отгадывать загадки черных дыр. Не жалко жизни тайны мира изучать.

Поселок был элитный, разумеется, имелся комендант. Вот архитектор и поведал коменданту:

– Ваш Салтыков немного странный. Спросил его – понравился вам дом? А он в ответ мне: Черная дыра.

Внезапное название прижилось.

Обвенчанный с наукой, Глеб, наверно, так и прожил бы свой век холостяком, но к счастью он однажды встретил Дарью.

Ей говорили:

– Он тебе в отцы годится.

Она же отвечала:

– Ерунда! С его харизмой! Меня к Глебу так и тянет. Я люблю его. Нет! Я его люблю.

Потом она любила повторять:

– Соединила меня с Глебом гравитация. Он зарядился от объектов, черных дыр, в которых дьявольская сила притяженья. Таятся во Вселенной и засасывают все. И Глебу доверяют свои тайны. Как он приник ко мне с космической силой – могла ли я, представьте, устоять?

За свадьбой через год родился мальчик.

Чего греха таить – ребенок радовал. Здоровый, энергичный, любознательный, общительный, и прочее со знаком тоже плюс. Похож на Дарью, но в брутальном варианте. В младенчестве с ним занималась мать. Когда подрос, включился и отец, выкраивавший для Володи окна. Учился мальчик хорошо, с друзьями ладил, на их фоне не особо выделялся.

Глеб Алексеевич считал, что это плохо. Он был поклонник Ницше, избегал всегда влияния толпы. Сверхчеловеком стать он сам не дотянул. Но, не избыв в себе зародыш этой темы, теперь надеялся взрастить его в Володе.

Он не печалился, что сын пока, как все. За шахматами, в длительных беседах, он убеждался, что Володя мальчик умный, может мыслить нестандартно, и не расплывчатый мечтатель, а боец. Что в школе не из первых, в том заслуга мамы Даши, советовавшей сыну:

– Будь скромней. Не каждому дан папа-академик.

Сам академик с просвещением Володи не спешил, разумно рассуждая – не пора. Но вдруг его как будто подхлестнуло, и, с вспыхнувшим внезапно опасением не успеть, он стал доходчиво рассказывать подростку, что дал его душе болезненный Ницше. И, главное, вручил заветный ключ, что спрятан в притче про верблюда – льва – ребенка:

– ДУХ, скажем, изначально, он – верблюд, и остается таковым у большинства. Он впитывает все, со всем согласен.

Но обособленное нечто рвется выпасть из толпы. Отсюда бунтари и отщепенцы. ДУХ этих смельчаков – рычащий лев, попробуй обуздать его свободу.

Льву надо уничтожить все кругом, тогда ДУХ полностью готов для новой жизни. И в этой новой жизни он – дитя.

Проблематично осознать в пятнадцать лет. Однако юный ницшеанец что-то понял и как-то вечером отвечал отцу:

– Верблюдом не хочу быть и не буду. А дальше уже будем посмотреть.

Перелистаем, что случилось в этом дальше.

Глеб Алексеич заспешил тогда не зря – той осенью он умер от инфаркта. Володя сильно изменился – стал заносчив, необщителен, суров. Подался в спорт, всю выкладывался, бегал и качался, упорно плавал, полюбил велосипед. Налег на точные науки, чтобы стать в какой-то мере продолжателем отца. Друзей подрастерял, вздохнул свободней.

Прошло три года. Из стандартного подростка вырос мощный независимый атлет. От множества друзей осталось двое. Шапиро тоже жил в высотке, вместе бегали, друг другу не мешали. А Вера, чудо-птица из строения в тупике, что назывался тоже Орликов, как и ведущий

от вокзалов переулков, была к дуэту дополнительным звеном. Легко прослыть за неразлучных, общаясь лишь между собой, не уделяя прочим должного внимания.

Потом была трагедия в горах.

Теперь к Никите: жизнь его была вольготна. Ни Кантом, ни Бердяевым никто не загружал. Он кончил школу, следом – Строгановский ВУЗ, определился, как дизайнер интерьеров. Первоначально, для исходного толчка, заказчиков сыскала мама Вера, в друзьях имевшая солидный контингент. Что эффективнее любых рекомендаций, как ни наглядный убедительный пример? Два – три весьма успешные проекта, и результаты налицо – клиент пошел.

Никита смело перешел в большую жизнь. С жильем все, слава деду, было в норме. Хозяйством занималась баба Даша, все успевала и старалась не мешать. В двадцать три года, как итог любовных проб, Никита Салтыков уже женился. Все обустроилось нормально, время шло.

Но вдруг, когда Никите было тридцать, внезапно позвонила его мать. Сказала – нужно срочно повидаться. При встрече информировала сына, что общий друг Шапиро умирает, а он как раз и есть его отец. Никита вырос на руках Семен Борисыча, но быть его ребенком – чересчур.

– Все точно, – Вера грустно улыбнулась, – мы делали анализ ДНК. Я не развратница, надеюсь, что ты знаешь. Владимира любила, а с Семеном как-то раз. Диагноз беспощадный, он уходит. Судьбе без разницы, что он миллиардер. А про тебя он с давних пор меня пытал. Сейчас, когда такое дело, выпытал, пусть легче ему станет перед смертью. Но я-то честно полагала – ты Володин. Поехали к Семену, он так плох.

Никита так был ошарашен, что молчал. Они поехали, свиданье обошлось без мелодрам. Семен Борисыч, очень маленький, усохший, предвосхищая разговоры, рассказал:

– Запомните название – феноптоз. Это гипотеза запрограммированной смерти. У каждого внутри есть некий таймер, им управляет персональный генокод. Ваша болезнь, мне говорят, была в программе, и ваши клетки обернулись против вас. И никакие мои деньги не победят мои раковые клетки. Осталось только подвести черту.

И, выбравшись из кресел, произнес:

– Любой отец бы мог гордиться таким сыном, и я, Никита, счастлив, что ты мой. Нет перспективы – уделить тебе внимание. Но в твоих жилах протекает моя кровь и в моих силах быть в твоих воспоминаниях. Я уже начал кое-что, юрист расскажет. А в завещании ты под номером один.

Никита только и сказал тогда:

– Так странно. Я должен как-то это осознать.

И вечером поехал к бабе Даше. Он рассказал ей о неожиданном повороте, и, к удивлению, не застал её врасплох. Она невольно усмехнулась:

– Вот те на! Пертубация со сроком в тридцать лет. Я и тогда предполагала что такое. Малышка Вера, и заботливый Семен, и одинокая вдова с большой утратой. Потом – намеки на Володино отцовство. Она кукушка по природе, твоя мать. И твой Шапиро, взявший в жены дочь министра, отмежевался: его дело сторона. Я, поседевшая, оплакиваю сына, и возникает вдруг малыш новорожденный и, есть предположение, даже внук. Прости, если бывало что не так. Мне в ум не шло проверить ДНК. Да и какая, будем искренними, разница. Ведь ты, Никита, самый мой родной. А жизнь, она вмещает много жизней, тебе ли, как художнику, не знать. Ты прожил тридцать лет, как русский барин, теперь узнаешь, что такое олигарх. Шапиро вздумал поделиться? Что же, пусть. Мы не бедны, но денег лишних не бывает.

– А я-то её думал утешать! – сказал Никита, обнимая бабу Дашу.

Смерть, нависая над Семеном, не брала его к себе, ссудив возможностью все важное успеть. При нежелании Никиты стать преемником в делах, Шапиро продал свой могущественный бизнес, купил взамен пакеты твердых акций, дающих убедительный доход. Бывшей жене он перевел солидный куш, тем исключив из претенденток на наследство. И, заявив офици-

ально, что Никита его сын, составил в его пользу завещание. Все сотни миллионов его денег, дома в России и Европе, огромный парк автомобилей, представительскую яхту, персональный самолет – все предстояло унаследовать Никите.

Закончив все дела, Шапиро умер. Никита же вступил в другую жизнь.

Не столько бешеные деньги, ни краса особняков – его пьянила обретенная свобода. Взамен работы на других он сам в мгновение ока стал заказчик. И убедился, как же это хорошо.

Чего не сделал вдруг возникший и утраченный отец, так не открыл ретроспективу своих предков. Кроме родителей Семена, благовоспитанных людей, с которыми встречалась баба Даша, свидетельств не имелось ни о ком. Пытливо, обратясь к национальности, Никита принялся хоть что-то узнавать. Оставив на потом осилить Тору и Талмуд, он, как и с прежним своим папой Салтыковым, затронул исторический аспект.

И повезло – он вскоре вышел на Шафирова, крещеного еврея, богача и дворянина, министра и соратника Петра. Добром помянутый еврей Петра Великого. Как вариант – вполне возможный прародитель.

А далее сработал гончий раж. Никита выпрыгнул из рамок только поисков родни и обнаружил поразивший его факт – поэт прикончил деятеля красной революции. Палач и жертва были чистые евреи. Когда поэта задержали, он сказал: «Для нас убитый мной мерзавец не еврей. Он – отщепенец. Я застрелил его, чтоб имя русского еврея не марал». Коллизия из ряда просто вон. Никите сразу захотелось сделать фильм с особым ракурсом еврейского вопроса. Отдав все полностью на откуп режиссеру, не получил в итоге то, чего хотел. Однако лента оказалась интересной.

2

Как Каннегисер смог Урицкого убить

*Люба моя мне буква „К“,
Вокруг неё мерцает бисер.
И да получают свет венка
Бойцы – Каплан и Каннегисер...*

Константин Бальмонт

С наплывом прессы и гламурных персонажей дремавший в неге Геленджик вдруг ожил, будто принял «Кинотавр». До виллы же Шапиро в уважаемом районе этот суетный настрой не долетал. Гостей приехало немного, всё недавние Никитины друзья, как он оценивал – не чуждые искусств. Их познакомила с Никитой Яна Граве, с которой с некоторых пор Никита жил. С женой Натальей он своей не разводился, а просто, как бывает, разошлись. Женат он был на балерине с удивительной фигурой, красотой, и лютой ненавистью к всяческой работе. Ей появившиеся деньги открывали новый мир. И позволяли бросить к черту свой глухой кордебалет, и, переехав в город Лондон, в апартаментах, обустроенных Шапиро, царить обиженною жертвою интриг.

Никита не был слишком против с оговоркой – без него. Любовный пыл давно в их браке поутих и ничего им не мешало жить раздельно.

Зато с Натальей подружилась мама Вера. Она представила ей светский русский Лондон, летала с нею на Гоа, а иногда, связавшись с Дарьей Николавной, они наведывались в Черную дыру. Жизнь тем и хороша, что есть контрасты.

Вот и Наталья с Яной Граве, разумеется, что были антиподы. Взамен сильфиды, переехавшей в туманный Альбион, Никита сблизился с продвинутой вакханкой.

В театре прыгавшая в массе лебедей, Наталья только и мечтала бросить сцену. Не открепиться от балета, а заняться им вольготно для себя, тем сохраняя гордый имидж балерины. Она и в Лондонской квартире, даже в Черной их дыре – везде поставила балетные станки, установила зеркала и, совершая экзерсисы на глазах видеокамер, потом с пристрастием смотрела на себя со стороны. И корректировала, чтобы быть красивой.

Но вне корректировки её вечный прагматизм из романтической прежде феи, грезы юношеских снов, с годами сделал из Натальи очень замкнутый и жесткий экземпляр.

Напротив, Яна Граве, с чересчур надменным видом, та на поверку оказалась экстраверт. Рожденная в Нью-Йорке, где отец, ещё российский в тот период бизнесмен заблаговременно купил для них квартиру, она в Америке так с мамой и жила. Не зная лиха ни считать, ни экономить. Откуда деньги? Что вопросы задавать.

Большой красавицею Яна не была. В отличие от Натальи, с её четкой эталонной красотой и отработанной грацией движений, девица Яна, с детства любящая спорт, была немного угловата, что, впрочем, ей не ставили в ущерб. В ней был особый магнетизм: её стриженные волосы, чуть вздернутый и аккуратный нос, как и не портящие облика веснушки, все плюсовало к обаянию, что крылось в её речи и глазах. Она не скажешь, что болтала языком, а убедительно, включив самоиронию, то удивляла всех рассказом, то ошарашивала даром рассуждать. Закончив колледж, следом – университет, аккумулировав поток полезных знаний, девица бросила системную учебу и перешла в свободно-выборочный дрейф. От предков, урожденных москвичей, в ней подсознательно дремала связь с Россией. Переместившись в старт двадцатого столетия, она влюбилась сразу в русский авангард, потом – в поэзию Серебряного Века. Её

манила, опьяняла атмосфера, к которой не было пути сквозь интернет, но помогли воссоздать пускай немые, но живые документы. Что сберегал в себе Бахметьевский архив. Начав заходить туда, однажды Яна повстречала там Никиту.

Что мускулистые бой-френды, что все папины знакомцы-женихи – против художника с историей, с душой, остро жаждущей познания? В неполных двадцать восемь, возраст Яны был таков, она созрела для серьезности в любви. Ну, а Никита, в свои полных тридцать пять, как пылкий мальчик полюбил американку. Само собой – он ей рассказывал про фильм и пробудил в ней интерес к материалу. Она сказала: это можно обсуждать.

Давайте глянем историческую справку:

Год восемнадцатый. Двадцатый, прошлый век. Тридцатое число, в исходе август. Два покушенья на убийство в один день. И оба – на вождей большевиков.

Факт первый. Дело утром. Петроград. Поэт и юнкер Канегисер точным выстрелом в упор убил Урицкого, наркома Петроградского ЧК. «Чтоб имя русского еврея не марал» – так комментировал убийца свой поступок. Решение ревкома – расстрелять.

День тот же. Хмурым вечером. Москва. Рабочий митинг на заводе Михельсона. Фанни Каплан, сторонник партии эСэР, стреляет в Ленина довольно много раз. Вождь ранен, Фанни схвачена в момент. Вину не отрицает. Казнена.

ВЦИК реагирует воззванием: «ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ», призывом к массовому красному террору.

Никита выбрал в фильм двух действующих лиц:

Л. Канегисер, состоявшийся убийца. Потомок видного семейства, даровит, настроен романтично, образован. Художник слова, стихотворец, эссеист. Поэт из круга Михаила Кузмина. Ориентация на секс – открытый гей.

В стихах – религиозность, даже жертвенность. Местами – экстатический накал.

Тогда у блаженного входа,
В предсмертном и радостном сне
Я вспомню – Россия. Свобода.
Керенский на белом коне.

Мотив к убийству – это месть за Перельцевейга, большого его друга в тот момент. В. Перельцевейг крутился в группе офицеров, нацеленных смести большевиков. Расстрелян по приказу ПЧК. Приказ прошел за подписью Урицкий.

Ремарка: М. Урицкий не подписывал приказ. Он был из редких членов РСДРП, кто не поддерживал расстрелов и репрессий.

Теперь застреленный Урицкий, Моисей. Рожден в купеческой семье, учил Талмуд. Религиозно (в лучшем виде) образован. Старательно учился, стал юрист. По документам – деловой и адекватный. По экстерьеру – некрасив, почти урод.

Вот как писал о нем когда-то некто Зубов:

«...сидело существо отталкивающего вида, поднявшееся, когда мы вошли; приземистое, с круглой спиной, с бритым лицом и крючковатым носом; с малюсенькой без шеи головой, оно напоминало чем-то жабу. Хрипящий голос походил на свист, казалось – изо рта стекает яд».

Как ни приглядывайся – видом не хорош. Но Канегисером убит не за уродство.

Фатальный промысел, столкнувший этих двух – вот предлагаемая фабула для фильма.

А что до Яны – ей важнее была Каплан. Как арт-явление, достойное вниманья.

Да – анархистка, да – сторонница эСэР. Да – нетерпимый, злейший враг для красной своры. Но эти выстрелы? Но попаданья пуль? Как это мыслимо – она была слепа!

Каплан лишилась глаз в шестнадцать лет. Заряженная бомба для теракта разорвалась у Фанни чуть ли не в руках. И отголоском тяжелой травмы – слепота. С контузией предстала пред судом, приговорившим анархистку к смертной казни. (Пожизненная каторга – смягченный окончательный вердикт).

Потом, незрячая – по каторгам, по тюрьмам, одиннадцать почти – что полных лет.

Затем – свобода, год семнадцатый, февраль. Глазная клиника, г. Харьков, доктор Гиршман. Успех хирурга – она видит очертания. Настолько тягостные – лучше не глядеть. Но внутренний устой – она боец. Вот и приехала к заводу Михельсона.

– Ну, полный, говорю я вам, театр, – чуть вникнув в материал, сказала Яна. – Всучили этой Фанни пистолет, наковыряли из вождя как будто пули. Калибр не сходится – какая ерунда. Стрелять? Повсюду бой – давай стрелять. А вот попасть – уже из области Гудини.

– Каплан – она страдалница, держалась до конца. Но кончим с ней – важнее свои вопросы. На что нацелен в фильме объектив? На честь всего еврейского народа. Задача: абстрагировать момент и культивировать в нем главное – поступок. Как Мцыри Лермонтова – все бежит, бежит, и снова прибегает в ту же Мцхету. Утратил путеводный он свой луч, навеки разлучен с его народом. А Каннегисер, он свой луч не утерял. Он, не раздумывая, встал за свой народ, пошел на смерть и стал в истории героем. Я горд, что я Шапиро с энных пор.

– Take care⁹ – это очень скользкий путь. Твой Канегисер – он был явный психопат. И содомит, как тут указано в архиве. Самоубийством жизнь покончил его брат. Сам Леонид, он тоже был неадекватен. В друзьях – то Сомов, то – Кузмин, а то – Есенин. И у Цветаевой – все Леня да Сережа. И уточняет: «Неразрывные друзья». «...и вижу их две сдвинутые головы в доверчивой мальчишеской обнимке...».

– Все записи Цветаевой – лишь миф, ей очень нравилась игра фальсификаций. Потом сама слюбилась с Софьей Парнок, хорошей поэтессой, «русской Сафо». В мальчишеской обнимке? Что с того? Обнимка – это вовсе непорочно. Я с режиссером говорил, он глобалист, а не копатель обстоятельств личной жизни. Чем заманил его предложенный проект? Свободой от понятия подробность. И, подойдя концептуально, он нашел такой конфликт – два индивидуума, скрещенных в пространстве. А в глубине интриги – там взрывной заряд. Мой дед, он астрофизик, утверждал, что пустота на самом деле не пуста, она наполнена большим потенциалом. И коль частица, в данном тексте – человек, проникнет в пустоту по воле судеб, то заряжается энергией и сам в себе несет потенциал. Вот представляешь: Каннегисер, пустота, потом Урицкий, как объект уничтоженья. В таком разрезе режиссер задумал фильм. Я, честно говоря, не очень понял.

– Не возражаешь, я с Кутасовым свяжусь?

– Какое – возражаешь? Буду рад.

Беседа с режиссером вышла странной. Что ожидаемо – все сухо, через скайп, без маломальски личного знакомства. Она представилась, Кутасов стал живей. И рассказал, как он терзает всех студийцев, внедряя к роли правильный подход. Клял Станиславского и прочих иже с ним. Назвал Евреинова лучшим режиссером. Его воззрения на театр – вот где свет! Ведь театральность – это принцип бытия и, так сказать, презумпция культуры. Сверхутверđenje всякой личности и стимул всех историй вообще.

– Экстраполируете это на кино?

– И нечего гадать – в полнейшей мере. Евреинов, он создал философию, реально объяснившую весь мир. А театральность – то один из постулатов.

Затем, без продыха, не дав все осознать, Кутасов тут же перекинулся к артистам:

– Не думал, что сумеют так сыграть!

– А зритель, как вам кажется, пойдет?

⁹ Будь осторожен (англ.)

– Наивнейший вопрос – обычный зритель? Актерам его надо презирать. Я со своими что обычно часто делаю – с задачей выпускаю их в народ. Скажу одной: Шарлотта ты Корде, и выпущу её искать Марата. Без крайностей – не надо убивать, а просто довести до должной грани. Ведь театральность – это жизненный инстинкт. А делать театр калькой жизни – преступление.

Так приблизительно прошел их разговор.

«Все надо уточнить», – решила Яна. И раздобыла сразу где-то том – Евреинов, раскрыла наугад и зачиталась. Потом Никите сделала рассказ:

– Кутасов интересно может сделать, поскольку он шизоид – that is true¹⁰! Я вспомнила – Малевич говорил. Что не искусство отраженьем будет жизни, а отблеском искусства будет жизнь. Запомни слово – театрализация. «Театра», вот, «лизация» всего – поступков всех и хода нашей жизни. Евреинов так думал и учил. По мне – все чересчур замысловато. И не для каждого, на избранных людей.

¹⁰ Это правда! (англ.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.